

НЕВИДИМЫЕ ГОЛОСА

Микита Франко ✨ Марина Козинаки · Саша Карин ⚡ Ольга Птицева
Евгения Некрасова · Анна Береговая ✨ Екатерина Бордон · Алиса Осипян
Александра Воробьева ✨ Людмила Жуковская · Александра Яковлева
Яна Москаленко ⚡ Алена Петровски · Ирина Родионова ✨ Лия Раздольная
Александра Старк · Дарина Стрельченко · Дарья Трайден
Диана Шаматава ✨ Стана Корунная

18+

Автофикшн-рассказы нового поколения писателей о том,
как быть разными в мире, который хочет видеть всех одинаковыми

Невидимые голоса

Марина Козинаки
Невидимые голоса

«Popcorn books»

2022

УДК 82-32
ББК 84(2)6

Козинаки М.

Невидимые голоса / М. Козинаки — «Popcorn books»,
2022 — (Невидимые голоса)

ISBN 978-5-6048361-8-7

«Невидимые голоса» – сборник автофикшн-рассказов современных русскоязычных авторов и финалистов опен-колла Popcorn Books и автофикшн-вебзина Autovirus. Каково это – жить в мире, который хочет видеть всех одинаковыми? Герои сборника размышляют об этом и ищут собственный путь: отстаивают свою идентичность, справляются с травматичным опытом, теряют и обретают дом. Они хотят сделать невидимое видимым и рассказать о том, о чем мы не знаем или знаем совсем мало. Ведь понять, кто ты на самом деле, когда отличаешься от пресловутой «нормы», может быть непросто.

УДК 82-32

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048361-8-7

© Козинаки М., 2022
© Popcorn books, 2022

Содержание

Микита Франко	6
Ольга Птицева	11
Александра Яковлева	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Невидимые голоса

© А. Береговая, Е. Бордон, А. Воробьева, Л. Жуковская, С. Карин, М. Козинаки, С. Корунная, Я. Москаленко, Е. Некрасова, А. Осипян, А. Петровски, О. Птицева, Л. Раздольная, И. Родионова, А. Старк, Д. Стрельченко, Д. Трайден, М. Франко, Д. Шаматава, А. Яковлева, текст, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Микита Франко

Астронавт

Я много чего не люблю делать.

Как правило, я не знаю заранее, люблю что-то или нет, поэтому пробую, а потом, если мне понравилось, добавляю это действие в специальный список действий, которые не люблю.

Список начинается со слова «пылесосить», потому что, наверное, это первое, что я сделал и про что подумал: «Не люблю». По мере моего взросления он расширяется: от «кататься на велике» (долгая история) до «получать высшее образование».

Еще есть дела, которые обычно совершаются вместе с другими людьми, и для таких дел у меня есть отдельный список нелюбви. Например:

- трогать людей;
- обниматься;
- целоваться;
- заниматься сексом.

Есть вещи, которые я бы хотел делать, но никогда не делаю, потому что не умею. Там короткий список:

- влюбляться.

Когда я был маленький, там было «Становиться невидимкой» и «Читать мысли», но потом я вычеркнул эти пункты. Иногда добавляю туда пункт «Дружить» – и его тоже вычеркиваю, а потом снова возвращаю, потому что на самом деле не знаю, умею дружить или нет.

Это как быть астронавтом (именно астронавтом, а не космонавтом, потому что «космонавтами» называют полицейских, и я не хочу быть космонавтом). Я астронавт, который никогда не снимает скафандр, потому что отгораживается им от окружающего мира. Скафандр приглушает звуки, а через смотровое стекло контуры людей и предметов кажутся иллюзорными. Когда ты в скафандре, тебе все равно, трогают тебя или нет, обнимают или нет, целуют или нет. Когда я не хочу, чтобы меня целовали, я мысленно захопываю гермошлем – и тогда неважно, целуют ли меня на самом деле.

Но правда в том, что, если ты смотришь на мир через стекло гермошлема, значит, ты на чужой планете.

Я помню день, когда стекло едва не лопнуло вовнутрь.

Это был Новый год. Майло приехал, потому что Майло всегда приезжает на Новый год. Мы познакомились в Канаде, в старшей школе: он был второгодником в двенадцатом классе, а я – паинькой из девятого. Я сделал ему дерьмовую домашку по английскому в обмен на курицу – так и началась наша дружба.

Потом я вернулся домой, потому что я всегда возвращаюсь домой. Это сложно объяснить. Прощаясь, мы пообещали друг другу заключить брак через двадцать лет: он, я и никакого гейства. Это лучшая клятва, которую могли дать друг другу асексуал с гетеросексуалом.

С тех пор прошло несколько лет. Мы еще не заключили брак, и Майло – просто мой друг, самый легкий для дружбы друг: мы редко видимся. Когда Майло приезжает, мы обнимаемся с ним три секунды – это приемлемые объятия после долгой разлуки. С другими друзьями я так не делаю, потому что, если мы не разлучались, обниматься ни к чему.

У объятий существует определенная философия, которую я придумал сам: когда люди обнимаются, они должны быть как пазлы, которые друг другу подходят. Я знаю об этом, потому что, когда был ребенком, обнимался с родителями и мы друг другу подходили. В детстве я выучил правильное ощущение объятий, а после старался повторить его с другими людьми – и

это никогда не срабатывало. Я словно был пазлом из другой коробки. Обниматься не больно и не страшно, но это неизбежное столкновение с чуждостью окружающего мира.

Наступающий Новый год должен был выгодно отличаться от других: мы запланировали тусовку, как в американских фильмах про подростков. Я не знал заранее, люблю тусовки или нет, поэтому решил попробовать.

У нас были съемная квартира, алкоголь, курево, громкая музыка, куча друзей. В основном то были друзья Майло – он умудрялся их находить, зная по-русски всего две фразы, одна из которых матерная, а другая: «Здравствуйте, где Красная площадь?» Совершенно бесполезный вопрос в Новосибирске.

К девяти часам начали подтягиваться люди. Кто-то врубил музыку – Валентина Стрыкало, «Мама, я гей». Она потом играла по кругу около семи раз, пока Майло не переключил на «Нирвану». Майло не был геем.

Все пили, кроме меня и Майло. Он курил, а я в ужасе шаркался от окружающих: Дима с такой страстью целовался возле окна со своей девушкой, что они оторвали занавески. Я сразу смекнул, что от людей лучше держаться подальше.

Дождавшись полуночи, поздравлений с Новым годом и криков: «Ура-ура!», я отправился на кухню мыть посуду. Все лучше, чем бесцельно шататься без дела. За мной увязался Серый – не знаю, кто это, но все говорили про него «Серый», – и там, заняв место за кухонным столом, он начал со мной разговаривать. Такая картина: я мою посуду, а он разговаривает. Как будто сраное радио.

– Знаешь, я недавно путешествовал по Золотому кольцу, – говорил он. – На поезде.

– Ага, – ответил я.

– Такая красота, церквушки...

Меня выбесило слово «церквушки», чуть стакан не выронил. Но промолчал.

– И люди везде разные, но такие хорошие...

Я думал, что, если достаточно упорно молчать, он уйдет. Но Серый продолжал:

– В Ростове кремль такой красивый...

Я домыл посуду, вытер стаканы и сказал:

– Серый, хватит со мной разговаривать.

Он сказал: «Извини» – и ушел. Мне сразу стало неудобно. Но иначе я не мог: у меня от грома музыки, шума голосов и мельтешения людей болели уши, глаза, органы обоняния и осязания, и как будто бы весь я тоже от этого болел.

И еще чертовски хотелось плакать, но, если бы я расплакался на тусовке, все бы встревожились, начали спрашивать: «Мики, почему ты плачешь?» – а я бы не смог назвать причину, потому что правда ее не понимал. Поэтому не плакал, держался. Не то чтобы я считаю, что это правильно – подавлять эмоции, но уж если начал плакать, так изволь объясниться.

На кухню вскоре стали набиваться люди. Я спросил, чего это они приперлись (на самом деле я сказал «пришли», а подумал – «приперлись»), а они ответили, что две комнаты заняты: в одной уединились Дима с девушкой, а в другой вызывают Пиковую Даму. Я спросил: «А вы че не вызываετε?» – а они ответили: «А вдруг придет». Я, хмыкнув, пошел в гостиную – там людей стало поменьше.

В гостиной стоял праздничный стол: таким, по крайней мере, он был до полуночи, а когда я поубирал с него посуду, он превратился в просто вытянутый стол, накрытый скатертью. Телек работал, шумел советским «Голубым огоньком». Серый и его подружка, Маша кажется, всерьез смотрели в экран, устроившись на диване. Майло курил в открытое окно, но, когда я вошел, он тут же начал за мной наблюдать. Я пытался представить, каким кажусь со стороны: подавленным, нервным, нездоровым?

- Мики, – негромко позвал Майло, оставляя тлеющий окурок в пепельнице.
- М? – отозвался я.
- Пойдем под стол?
- Это было такое странное предложение, что я растерялся:
- Под стол?

– Под стол.

– Нет.

Я подумал: что за глупости? Но в ту же секунду спросил себя: разве может стать еще хуже?

Может, конечно, если в соседней комнате, вызывая Пиковую Даму, перевернут свечи, загорятся шторы, начнется пожар, мы все умрем...

Так, тихо-тихо. Я заткнул внутренний голос, отвечающий за панику, и вернул пульт управления голосу, отвечающему за рациональные решения.

Итак, залезть с кем-то под стол, будучи взрослым, звучит как что-то, что я никогда не пробовал. Значит, я не знаю, понравится мне или нет. Значит...

– Хотя давай, – сказал я. – Пошли.

Присев на пол, мы приподняли скатерть и забрались под стол, спрятавшись там, как в домике: скатерть свисала почти до пола, даря нам укрытие от окружающего мира. Чтобы не удариться головой о столешницу, пришлось лечь, а чтобы не торчали ноги – согнуть их в коленях, а чтобы Майло тоже поместился, нужно было позволить ему лежать очень близко. Я позволил.

И тогда он спросил:

– Хочешь я тебя обниму?

Я спросил себя: «Разве может стать еще хуже?» – и ответил:

– Давай.

Я приподнял голову, он протянул руку под моей шеей и обнял за плечо, а я, подвинувшись, устроился на его ключице. Пахло куревом и горелыми спичками. Из динамиков ноутбука, смешиваясь с «Голубым огоньком», играла песня Tom's Dinner.

Туру-туру-тут-ту-руру...

Майло начал щелкать в унисон с музыкой и подпевать:

*I am sitting in the morning
At the diner on the corner,
I am waiting at the counter
For the man to pour the coffee...*

Я молчал, потому что не знал слов. А если бы знал слова, то все равно бы молчал, потому что не умею петь. Так что, наверное, не очень-то и важно, почему я молчал. Главное, что я покачивал коленкой в такт.

*And he fills it only halfway
And before I even argue
He is looking out the window
At somebody coming in...*

Было хорошо. Под столом я никого не видел и не слышал, кроме Майло. Я перестал слышать «Голубой огонек» и перестал слышать, как гудят голоса на кухне. Под моей щекой вибрировала поющая грудная клетка.

Воздух точно переменялся. Это было похоже на возвращение домой.

Майло допел до женщины, которая смотрит в витрину на свое отражение, и, обрывая самого себя, вздохнул:

– Вот так вот, Мики.

Я поймал себя на том, что забыл подумать, будто я кусочек пазла, не подходящий к картинке. Что это значит? Значит ли это, что я подошел?

Я открыл гермошлем своего воображаемого скафандра и посмотрел на Майло.

– Ты что, тоже с другой планеты? – спросил его я.

А Майло ответил:

– Конечно с другой, Мики.

Я снова примостился к его плечу, мысленно создавая новый список: «Вещи, которые я люблю делать». Первый пункт: «Лежать под столом вместе с Майло».

Ольга Птицева Начать смотреть

TW: буллинг

Я сижу на кухне, стул подо мной поскрипывает. Это хорошо, значит, тело мое все еще что-то весит. Я стараюсь не плакать, но голос дрожит, и руки дрожат, и в горле наждачка. На экране ноутбука Ирина – мой терапевт, она смотрит сочувствующе, но выжидательно, мол, давай уже формулируй.

– Попробуйте выдохнуть через рот, – подсказывает она.

Я выдыхаю. Надо успокоиться, чтобы оно опять не началось. Я уже чувствую, как расплазуюсь. Стираются границы тела, идет рябью стол, на котором лежит моя рука, и скомканный бумажный платочек протупает сквозь. Вдыхаю через нос, выдыхаю через рот.

– Вы говорили про одиночество, так? – напоминает Ирина.

– Да. – Еще один вдох и выдох, кошусь на руку, кожа на ней тоненькая и прозрачная. – Когда я одна, то сливаюсь с пространством, понимаете? Не чувствую себя в теле. – Сбиваюсь, ищу слова. – Типа я лежу на кровати, но не знаю точно, где кончаюсь я, а где начинается кровать.

– Хорошая метафора, – хвалит Ирина.

Только это не метафора. Это оно случается со мной.

Мне было девять, когда оно случилось в первый раз. Возможно, бывало и раньше, но я не запомнила. Хотя как это можно не запомнить? Начало марта, под ногами уже не снег, а каша из реагентов, воды и льда. Ботинки вязнут в ней, не выдернуть, и я тащу их, почти не отрывая от земли. И себя тащу. Вельветовые штанины промокли и хлопают по шиколоткам, передают талую воду дальше – носкам и колготкам под носками. Снизу мне холодно, зато сверху жарко.

Под тяжелым пуханом я исхожу на пот и жирную пленочку. Даже щеки покраснелись, а ко лбу прилипла челка, которую бабушка вчера самолично подстригла, чтобы волосы не лезли на глаза. Я пытаюсь вытереть лицо, но попадаю локтем в очки. Перепаивая дужка впивается в ухо. Пока я вожусь, меня обгоняют две девочки – одна в клетчатом пальто, вторая в дутой курточке. Та, что в пальто, – Зоя – несет подарочный пакет, из него торчат плюшевые уши. У той, что в курточке, – Лизы – в руках коробка, завернутая в блестящую бумагу. Я тоже несу подарок – две книжки, перевязанные бантиком. Там Крапивин – про бронзового мальчика и кружок фехтования.

– Вы к Олеся? – спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

День рождения Олеся – главный день года. Лучший день года. Куча еды, аниматоры, все одноклассники, все сплетни и углеводная кома после торта. Лиза мне улыбается, я ускоряю шаг, почти теряю ботинки, но это уже неважно. Мне теперь есть с кем идти.

В прихожей у Олеся тесно, пахнет влажной обувью и лаком для волос. Вешалка уже крепится от разноцветных курток и, когда я тянусь, чтобы повесить свой ватный пухан, начинает падать. Кто-то визжит, Зоя закатывает глаза, я пытаюсь поймать вешалку, но на меня уже сыпется чужая одежда.

– Оля уронила! Это Оля уронила! – кричат сразу несколько голосов, а я сижу на полу и прижимаю к лицу свой никчемный пухан, тяжелый, как гиря.

– Вот дура, – шепчет кто-то.

И самое страшное сейчас – поднять голову и увидеть, кто именно. Но мне кажется, что Олеся. Ее бабушка когда-то дружила с моей, и дружба эта перешла нам с Олеся по наследству. Такой причины было достаточно, пока мы вместе ходили во второй класс. А к третьему оказалось, что нужно что-то еще. Например, красивое пальто, как у Зои.

– Проходите в комнату, не толпитесь на холодном, – говорит Олесина мама.

Я смотрю, как она ловко раскидывает упавшую одежду по полкам и крючкам, улыбается мне, мол, все в порядке, и тянется за пуханом, который я продолжаю прижимать к груди.

– Сходи руки помой, сейчас кушать будем.

Киваю, прячусь за дверь в ванную комнату – там все сверкает, а пол теплый. Сегодня утром дед зачищал швы между плитками в нашей ванной от плесени, и я не успела помыть голову. Бабушка заплела мне две косички, но ровный пробор между ними остался засаленным. Стараюсь не смотреть в зеркало, брызгаю на лицо водой, выхожу наружу. А там Олеся – на ней розовое платье в пайетках, волосы она накрутила на плойку и даже тенями накрасила глаза.

– С днем рождения, – шепчу я.

Подарки у нас отобрали на входе, чтобы они красивой кучей лежали в детской. Так что я прячу влажные руки в карманы.

– Я с тобой больше не хочу дружить, – говорит Олеся и закусывает губу, блестящую от помады с блестками. – У тебя родители бедные. Не приходи больше.

Я почти не слышу, что она говорит, в столовой уже включили музыку. Но всё понимаю сразу. Делаю шаг в сторону. К двери. Олеся берет меня за локоть.

– Мама ругаться будет. Пойдем кушать.

И я послушно иду за ней. И горячая радость собирается в груди. Если разрешила остаться, то, может, еще наладится все. Может, еще обойдется. Но за столом на меня никто не обращает внимания. Сменяются блюда – салат с крабами, куриный рулет с сыром, маленькие бутербродики с рыбой, фруктовая нарезка с мороженым. Все едят и хохочут. И я ем и хохочу. Рядом сидит Зоя, я толкаю ее локтем, но она отодвигается, я смотрю на нее, пока она не поворачивает ко мне свое узкое лицо с длинным носом. Ничего не говорит, а просто смотрит мимо меня.

И оно происходит.

Я чувствую, что меня больше нет в этой комнате. Я не сижу на стуле, не комкаю в пальцах шарик из хлеба, не звеню вилкой о край белоснежной тарелки, слишком большой для порции, которую я осмелилась взять. Через меня пролетают шутки – Дима Погодин пародирует трудовика, получается похоже и зло, потом Лера Савельева сбивчиво кричит что-то про русичку и парик, ее заглушают хохотом.

Через меня можно разглядеть стены, кожаный диван и картину – там Олесе пять лет и она похожа на принцессу. Через меня передают графин с соком и шоколадные конфеты, и ни одни пальцы не соприкасаются с моими, потому что у меня нет пальцев. Мне больше не жарко, я не потею и не становлюсь красной.

Я комнатной температуры, я пахну детским потом и духами Олесиной мамы, на вкус я упавший на пол кусок холодной курицы. Никто не называет меня по имени, я поднимаю руку, чтобы мне дали слово, но воздух надо мной только идет легкой рябью. Меня нет. Я хочу закричать, чтобы все замолчали и обернулись, но голоса тоже нет. Есть только общий шум, в котором уже не различить, говорю это я или кто-то другой, один из тех, кто существует.

Все, что от меня осталось, сползает на пол и тащится в коридор. Несуществующими руками я тяну с вешалки пухан, натягиваю его сырую тяжесть, и он парит в воздухе, обозначая место, на котором меня нет. Я засовываю ноги в ботинки, я заворачиваю шею шарфом.

– Бабушка тебя встретит? – спрашивает Олесина мама.

Она смотрит устало, но видит, что я еще тут. Мамы умеют видеть всех. Даже чужие мамы. Киваю и выхожу. Вечером, когда я затихаю под одеялом, бабушка садится на край кровати и греет мне ноги в горячих ладонях.

– Совсем ледяные, – вздыхает она.

И я наконец обретаю плотность.

– Они не видели меня до девятого класса, – говорю я экрану ноутбука. – Не звали с собой, игнорировали, смеялись.

– А что делали вы? – спрашивает Ирина.

– А я смеялась вместе с ними.

– Над собой?

– Да. – Сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы проверить, есть ли у меня пальцы. – Так мы будто бы были заодно. Но не были, конечно. – И повторяю, чтобы она точно услышала: – Они меня не видели.

И пока Ирина молчит, я чувствую, что оно снова со мной случается. Зыбкость тела, пустота там, где я занимаю пространство. Необходимость раз за разом доказывать, что я есть. Ты точно меня любишь? Позовите меня с собой. Скажи, что я тебе дорога. Почему ты молчишь? Не отдаляйтесь. Будьте со мной. Обнимите меня. Оставьте мне комментарий. Позвони вечером. Поцелуй меня прямо сейчас. Говорите со мной. Дайте мне отражаться в том, как вы смеетесь над моими шутками. Я громкая. Меня много. Я доказываю вам, что я есть. А без вас оно случается со мной снова и снова. И в комнате, которую я заполняю вещами, что определяют меня, только они и остаются: лампа, книги, плед, ноутбук с дурацкими стикерами, цветок в горшке, телефон без оповещений, шкаф, забитый красивым и дорогим. И никакой меня.

– Оля, – голос Ирины, как старый пухан, обозначает мое присутствие. – Я вас вижу.

Этого мало, чтобы увидеть себя самой. Но достаточно, чтобы начать смотреть.

Александра Яковлева Плохой глаз

Тетя Галя жила так далеко, что мы к ней ехали два дня на поезде – в другой город и даже в другую часть страны, на Волгу. Тетя Галя работала учительницей и приходилась маме двоюродной сестрой. По телефону она вечно хвасталась своей дачей, куда перебиралась на время летних каникул выращивать клубнику и разводить кроликов.

«Здесь я отдыхаю от двух работ, – говорила она, – на государство и на семью».

Семья у тети Гали была приличная: муж и трое сыновей. Все ее дети учились в той же школе, где она работала, и им доставалось по полной программе. Тетя Галя так и говорила: «На уроках им достается по полной программе, никакого особого отношения». Возможно, поэтому сыновья то и дело приезжали на дачу – помогали по дому, пололи грядки, изредка возились с мелкой мной. Пытались это особое отношение заслужить.

Старший был уже студент, он приезжал чаще. Когда мы с мамой сошли с автобуса, он как раз ремонтировал крышу дачной веранды. Средний учился в десятом и на каникулах подрабатывал в городе – его я видела раз или два. Как их звали? Как они выглядели? Имена и лица стерлись из памяти. Зато младшего я запомнила накрепко.

Тетя Галя звала его Петенькой. Только так: Петенька, сыночек. Тем летом Петеньке исполнилось десять, он был вдвое старше меня. На время нашего приезда его вызвали из города, чтобы дружить со мной. Нам разрешалось играть в доме и на лужайке у крыльца и запрещалось бегать по грядкам, а Петеньке – еще и подходить к кроликам. В остальном – полная свобода. Выбора у меня не было, поэтому я играла во всё, что Петенька выдумывал. Он был мастер на всякие игры.

TW: сексуализированное насилие

Жуки-солдатики копошились в моих руках. Мы собирали их в траве, смешных, щекотных, с черными узорами на спинках. Узоры напоминали африканские маски, я такие видела по телевизору в передаче «Вокруг света», поэтому думала, что солдатики тоже африканские, чудом очутившиеся на берегу Волги.

Плохим глазом я прекрасно видела солдатиков издали. Вблизи глаз всегда пытался меня обмануть, но я закрывала его, чтобы не сбивал прицел. Этой хитрости я научилась сама и довольно рано. Петенька велел собирать побольше, и я набивала жуками кулаки, не чувствуя ни страха, ни брезгливости, только беспокойство за букашек. Старалась по крайней мере их не раздавить.

Потом мы шли к старой ванне у дома, до краев полной чуть зеленоватой дождевой воды. Тетя Галя обычно поливала из нее грядки, а Петенька пускал по воде дощечку, которую называл кораблем. На корабль он вываливал все свое жучиное богатство и говорил мне делать то же самое. Всем солдатикам не хватало места, некоторые сразу падали в воду и тонули, другие бегали по деревяшке, сталкивая друг друга.

– Шторм! – орал Петенька и бил по воде ладонями. – Крушение! – Снова бил.

Корабль качало и заливало, волны слизывали солдатиков одного за другим. Маски на их спинках красными пятнами горели на дне, среди тины и серой мути. В конце концов Петенька переворачивал деревяшку, потом собирал самых живучих, самых отчаянно борющихся. Он сажал их обратно и кричал:

– Новый шторм!

Так могло продолжаться долго. Петенька устраивал шторма до тех пор, пока не отправлял на дно всех до единого. Только тогда он успокаивался и шел на кухню пить молоко и цело-

вать тетю Галю в мягкую щеку. А я потом долго вылавливала из воды мертвых солдатиков и раскладывала их на теплых досках крыльца в надежде, что хотя бы один оживет.

На третий раз я забастовала: отказалась собирать солдатиков. Но добилась только злого «ну и дура». Петенька прекрасно поиграл в шторм без меня. Мама с тетей Галей вышли в сад, когда я в мокром платье, расплескав почти всю воду из ванны, пыталась спасти новых утопленников.

Обычно мама меня не била. Но тут всыпала – потому что тетя Галя подняла большой шум и ничего другого не оставалось. А все из-за глаза.

В самый первый день нашего знакомства Петенька спросил:

– Что у тебя там? Покажи.

Мама вечно носилась с моим плохим глазом, заставляла его прятать под специальными очками с закрытым стеклышком. Но с Петенькой мне велели дружить, поэтому я сняла очки. Петенька протянул руку и пальцами раздвинул мне веки, рассмотрел и так, и эдак.

– Он что, вытек?.. – И взвыл: – Мам, а у Аньки глаз вытек!

Я испугалась, что вдруг и правда вытек. Петенька взял меня за подбородок, резко повернул голову на свет. От света глаз, конечно, заболел. Я захныкала и попыталась вырваться, но Петенька держал крепко. Когда он снова полез пальцем, я подняла рев. На крики прибежала моя мама. Она оторвала меня от Петеньки и увела в дом. Из окна нашей с мамой комнаты я видела, как Петеньке прилетело от тети Гали мокрой тряпкой по лицу.

Поэтому, когда меня застукали у ванны с полными руками мертвых жуков, от мамы потребовали сходного по серьезности наказания. Моим словам, что жуки – дело рук Петеньки, никто не поверил.

– Анька твоя растет ябедой, еще и лгуньей, – сказала тетя Галя маме. – Один раз наказали Петеньку из-за нее, и теперь она будет все на него сваливать. Ты со мной не спорь, пожалуйста, я все-таки педагог со стажем и чего только не повидала.

Меня, выпоротую, отправили в комнату думать над поведением, а Петеньке дали мороженого. Я долго думала, сидя с ногами в большой диванной яме, и додумалась вот до чего: жизни солдатиков в глазах взрослых не имеют никакого значения. Меня наказали только за потоп, и в целом справедливо. А Петенька, убийца жуков, получил награду.

Через пару дней, когда мама и тетя Галя собирали на грядках поспевшую клубнику, Петенька пришел ко мне в комнату и сказал, что придумал новую игру. Я все еще обижалась, поэтому он пообещал, что выкрадет для меня мороженое, если я соглашусь поиграть. Я кивнула, и тогда он сказал:

– Клево. Снимай трусы.

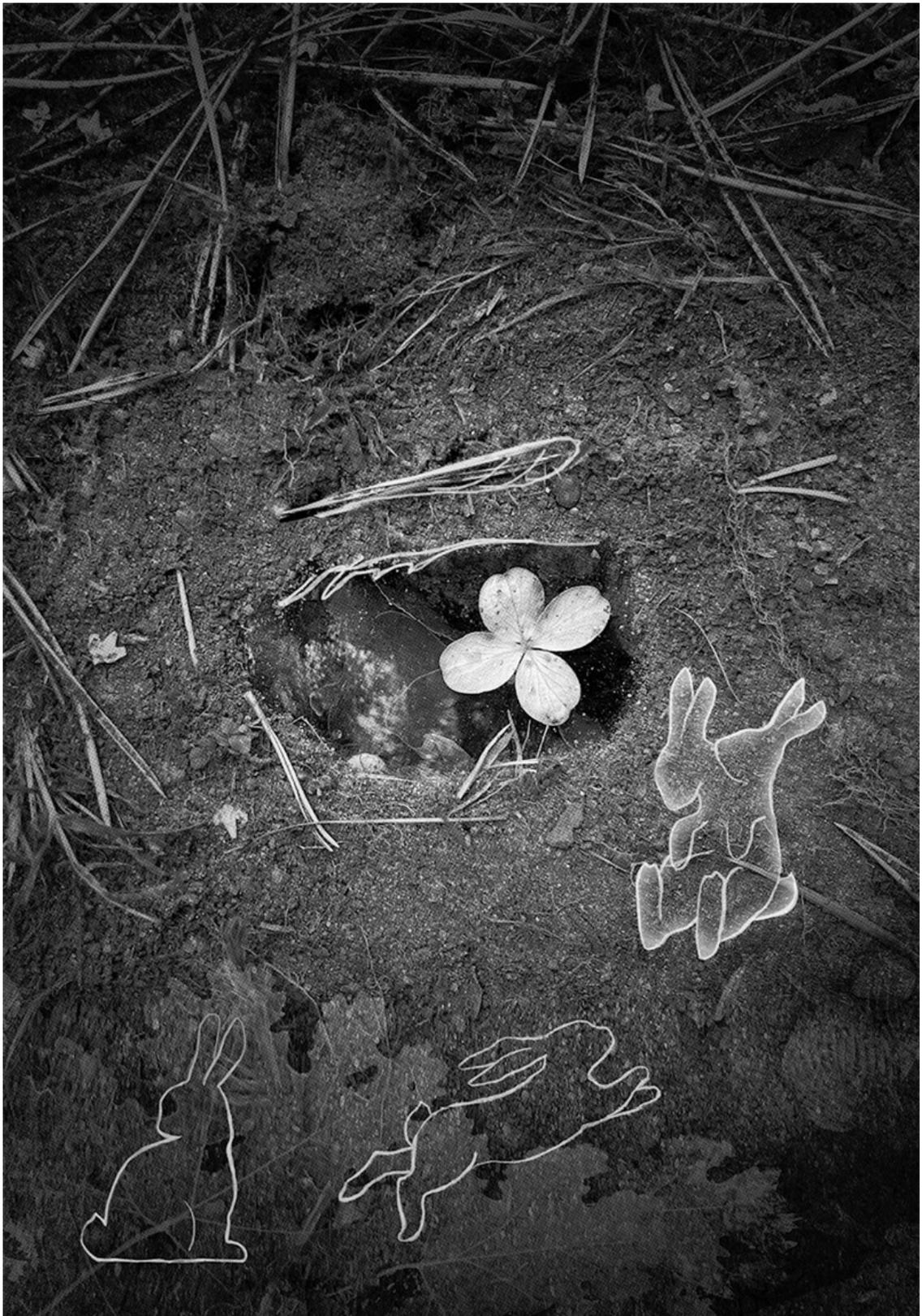
– Зачем?

– Будем тебя пороть.

Я застыла, не зная, что мне делать. Петеньке я не доверяла: ничего хорошего не случилось, когда по его приказу я сняла очки. Я отскочила и замотала головой.

– Ты че, еще и глухая? Я тебе ща глаз выткну, снимай давай.

Он пошел на меня, и не успела я увернуться, как он схватил мою руку и вжал ладонь в свои шорты под торчащим мягким животом. От Петеньки пахло кисло, борщом со сметаной. Короткие пальцы сдавили запястье до боли. Под моей ладонью что-то твердело, копошилось, словно горстка жуков.

Петенька не жалел жуков, поэтому я не пожалела Петеньку.

Он взвыл, скрючился, чуть не стукнувшись лбом о коленки. Только поэтому я смогла вырваться – и побежала. Петенька бросился следом, хрипел мне в спину. Я не кричала маму, не плакала. Глаза оставались сухими, во рту тоже пересохло. Я зажмурила плохой глаз, чтобы

не врезаться по пути в стулья и косяки, рванула из дома – и хрип застрял где-то позади, в прошлом, которого больше не существовало.

Мама, заметив меня, разогнулась над грядкой. Она удивилась, чего это я бегу одна, почему не играю с Петенькой. Я не могла выговорить ни слова. Тетя Галя тоже распрямилась, посмотрела на меня хмуро. «Ябеда, лгунья», – изогнулись ее брови и губы.

И тогда я по правде соврала. Петенька устал, сказала я, вот пришла вам помогать. Мама обрадовалась и выдала мне большую кружку с белой ромашкой. Я собрала в нее столько красных крепких ягод, сколько поместилось, и тетя Галя наградила меня мороженым.

В тот день я поняла еще несколько вещей:

от мальчишек нужно держаться подальше;

никто тебе не поверит и не поможет, если будешь говорить правду;

есть мороженое с клубникой гораздо вкуснее.

Вечером, когда мы укладывались с мамой в нашей комнате, я сказала, что соскучилась по дому. Хотела сказать другое, но испугалась, что мне снова не поверят.

– А мы завтра уезжаем, – отозвалась мама. – Не хотела тебе говорить, думала, расстроишься. Клубники в поезд наберем?

– Наберем! А Петеньку брать не будем, ладно, мам?

– Конечно не будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.